

Веретейченко І. А. Європейська концепція образу міста

Статтю присвячено дослідженню процесу розвитку художнього образу міста в літературі перехідних епох. Визначаються естетичні складові образу міста як суб'єкту перехідного процесу. Аналізується специфіка естетичного сприйняття міста в різні епохи та взаємовідношення естетичного і художнього в структурі образу.

Ключові слова: образ, місто, дискурс, поезія, культура.

Веретейченко И. А. Европейская концепция образа города

Статья посвящена исследованию процесса развития художественного образа города в литературе переходных эпох. Выделяются эстетические составляющие образа города как субъекта переходного процесса. Анализируется специфика эстетического восприятия города в разные эпохи и взаимоотношения эстетического и художественного в структуре образа.

Ключевые слова: образ, город, дискурс, поэзия, культура.

Vereteychenko I. A. European Conception of Appearance of City

The article is devoted by investigation in development of an artistic image of city in the literature of transitive epoch. Aesthetic composed an image of city as subject of transient are defined. Specificity of aesthetic perception of city during different epoch and relationships of an aesthetic and art in image structure is analyzed.

Key words: appearance, city, diskurs, poetry, culture.

Стаття надійшла до редакції 10.09.2012 р.

Прийнято до друку 30.11.12 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Фоменко В. Г.

УДК 821.161.1.09

Верник О. А.

**СПЕЦИФИКА ГОРОДСКОГО КОДА В РОМАНЕ К. ФЕДИНА
“ГОРОДА И ГОДЫ”**

Тема города – основная тема в творчестве К. Федина первой трети XX века. Ведущее место среди произведений, написанных автором в этот период, принадлежит роману “Города и годы”, книга была переведена на двадцать языков и неоднократно переиздавалась. Произведение, характеризующееся сложным композиционным строением и неоднозначной трактовкой темы “интеллигенция и революция”, было положительно встречено и в Русском Зарубежье. Роман был новаторским для своего времени и отразил художественные поиски

молодых авторов группы Серапионовы братья, в которую входил К. Федин. Стилистика книги характеризуется компоновкой различных языковых проявлений – от разговорной речи, лирических отступлений до канцеляризмов. Сложна и необычна фабула произведения. Автор по внутренним впечатлениям героя представляет картину Первой мировой и гражданской войн, российской и германской революций. В той или иной степени роман рассмотрен в работах Б. Брайнина, П. Бугаенко, А. Горбунова, Н. Кузнецова, Ю. Оклянского, А. Старкова, И. Ткачевой, но все эти исследования увидели свет еще в 1950-1980-е годы. Сегодня в литературоведении не достаточно исследованы не только роман “Города и годы”, но и творчество Федина в целом, поскольку современная наука мало внимания уделяет произведениям первой трети XX века. Все это обуславливает актуальность и цель нашей статьи – изучить специфику городского кода в романе К. Федина “Города и годы”.

Тема города в романе складывается из множества элементов, составляющих в конечном итоге панораму жизни Германии и России в 1910-1920-е годы. Уже первые страницы произведения демонстрируют контрастность в изображении немецких и русских городов: праздничность, нарядность, своеобразная “культурность” Германии и узость, серость, мрачность, разруха России. Создается впечатление, что писатель целенаправленно сталкивает два мира, в которых живет его герой Андрей Старцов, – мир “свій” и мир “чужой”. Причем понятие “своего” для героя только условно связано с родиной, поскольку в России он чувствует себя потерянным, чужим, утратившим нечто важное, составлявшее смысл его жизни. А смыслом жизни для Старцова была Мари Урбах, их любовь.

Первую главу “О девятьсот девятнадцатом” Федин начинает с картины послереволюционной петербургской жизни “нового летоисчисления”. Автор, описывая жизнь одного из многочисленных второстепенных персонажей, голодного и нищего интеллигента Сергея Львовича Щепова, позволяет через его внутренне восприятие увидеть убогость, темноту, пустоту, омертвелость культурной столицы России. Этому герою “не надо света”, потому что в городе он, “как лесовик в лесу”, “помнит каждый угол, знает всякую улицу и все дома, старые и новые, разобранные на топку, забитые, заброшенные и недостроенные” [1, с. 27]. Петербург тысяча девятьсот девятнадцатого года погружен во тьму, которую с северо-запада гнал “со свистом и гулом мокрый, косоплечий ветер” [1, с. 27]. Федин гипербализированно, метафорично создает тот образ Петербурга, который, несомненно был знаком ему самому и несет отпечатки авторского мировосприятия: “Петербург шелушился железной шелухой, и шелуха со звоном билась по крышам и падала, скрежеща, на каменные днища улиц. Внизу было темно, как в туннелях. Дома вымерли, дома провалились, домов не было. Пересекались, тянулись во тьме безглазые, мокрые бока туннелей”

[1, с.27–28]. Перед нами апокалипсическая картина умершего, погибшего города в “третий год нового летоисчисления” [1, с.27]. Автор неслучайно относит 1919 год к “новому летоисчислению”, делая, таким образом, отправной точкой год 1917 – год революции, разрушивший весь старый мир “до основания”, превративший все живое, яркое в мертвое, темное, бесцветное. На наш взгляд, фединское описание послереволюционной жизни города созвучно поэтике М. А. Булгакова, который так же передает с точки зрения очевидца ощущения тех лет.

Горожане, являясь воплощением души города, словно утратили свою телесность, их “лица были землисты и плоски”, глаза бесцветны [1, с. 51]. Единственной жизненной силой для них стал голод: “Голод, голод двигал всем проспектом! ... все это смятение, весь этот бег человеческих тел, весь этот нескончаемый поход народа в серых шинелях – бег на месте, поход вокруг черного остова голодной смерти!” [1, с. 51]. Федин называет людей “человеческими телами”, с одной стороны, усиливая ощущение катастрофичности происходящего, а с другой, закономерно для своего времени лишая человека самого главного – души, поскольку новая атеистическая идеология отрицала и Бога, и душу. Эти люди – результат революционного преобразования, отрешения от прошлого духовного опыта. Все это обуславливает оправданное в начале романа партийными соратниками убийство главного героя, которое совершил его лучший друг немецкий художник Курт Ван. Он не смог простить Старцову помощь в победе маркграфа Шенау, который в свое время тоже спас главного героя от ареста в Германии. С нашей точки зрения, здесь Федин противопоставляет безжалостность, революционный максимализм немецкому великодушию. Еще одним примером подобного отношения служит эпизод, связанный с инвалидом Федором Лепендиным. Немецкие врачи спасли его, военнопленного, от смерти. С ампутированными ногами герой возвращается домой, в небольшой деревне возле городка Семидола он вместе с другими пленными и крестьянами требует от военного гарнизона отменить продразверстку. Когда комиссар ищет зачинщика народных волнений, крестьяне выдают Лепендина, объясняя свое предательство тем, что “Федор все одно калечный” [1, с. 292]. Мы не можем определенно говорить, что такая позиция входила в авторские задачи, возможно, наш вывод обусловлен современностью, а в 1922 году, когда создавался роман, писатель считал справедливым именно убийство данных героев. Вместе с тем, все повествование указывает на обратное, поскольку даже изображение немецких городов контрастирует с городами русскими.

Вся жизнь в маленькой коммуне Розенау накануне Первой мировой войны наполнена гармонией: “Никакого смятения вообще. Ни озабоченности, ни поспешности, ни суеты. Жизнь – это гармония. И родина гармонии – родина Баха, Мендельсона, Листа, Гайдна” [1, с. 90]. Подчеркнем, что это изображение довоенной немецкой жизни, однако

подобную же картину Федин рисует и позже, обращаясь с прощальными словами в лирическом отступлении к городу Бишофсбергу. И здесь звучат совершенно иные, отличные от русского городского кода, интонации. “Мы расстаемся с ним полным грусти, – пишет автор. – Мы помним скатерки газового света, разостланные вокруг газовых фонарей, и весенние шорохи парка Семи Прудов, и заснеженную, тонущую в подмороженном запахе смолы вершину Лауше... Но город! Прости, если неловкое слово заставило страдать твое самолюбие. Прости! Ты достоин воспеваний, как всякий город, построенный человеческой рукой и возлюбленный человеческим сердцем. Ты прочен. В тебе живут люди. Ты верен им. Ты бросился вместе с ними искать новые дороги” [1, с. 255 – 256].

Полагаем, что такое контрастное изображение немецких и русских городов обусловлено, в первую очередь, автобиографизмом романа. В письме к М. Горькому 16 июля 1924 года К.Федин так характеризует свою работу над книгой: “Я до такой степени влез в Германию, что сплошь и рядом не пишу, а “перевожу” с немецкого, думаю по-немецки и чувствую. Когда перехожу на русскую землю, к русским людям, к русской речи – испытываю непреодолимые трудности: чужой материал!” [2, с. 314]. Это замечание Федина о приоритете в его произведении Германии подтверждается и содержанием романа. Книга основана на жизненных впечатлениях писателя, который, подобно своему герою Андрею Старцову, во время Первой мировой войны “не успел уехать и был интернирован немецкими властями. На положении гражданского пленного жил четыре с лишним года” [1, с. 5]. В одном из послесловий к роману, написанном в годы расцвета соцреализма 1947–1951 гг., К. Федин воссоздает историю создания книги, указывая, что именно Германия является главным действующим лицом произведения: “Роман “Города и годы” частью построен на основе моих наблюдений, приобретенных в Германии до первой мировой войны и во время ее... И так как изображение Германии, которая является как бы одним из главных действующих лиц романа, возникло из этих личных наблюдений, то я хочу о них сказать в автобиографическом плане, не чуждом самому роману” [1, с. 342].

Но любовь Федина к Германии обусловлена прежде всего любовью к Ханни Мрва, ставшей прототипом нескольких героинь его произведений: Мари Урбах (“Города и годы”), Анны (“Братья”), Гульды (“Я был актером”), Эльфы (“Счастье”). Рассказывая об отношениях Андрея Старцова и Мари, писатель практически точно воссоздает свою любовную историю. В 1916 году скорей всего в окрестных Лаушицких горах, где позволялись прогулки интернированным, произошла встреча, – пишет биограф Федина Ю. Оклянский. – Девушке было двадцать лет. Принадлежала она к здешнему привилегированному обществу... Девушка обладала сильным и волевым характером и повела себя как личность незаурядная... Об этом говорит даже краткая хроника ее

биографии, относящаяся в основном уже к периоду после скоропалительной отправки Фебина из Германии кайзеровскими властями (конец августа 1918 года). Содержание ее жизни было подчинено главным стремлениям души. Всеми силами она стремилась преодолеть обстоятельства, враждебно или слепо встававшие на пути ее чувства, разлучившие ее с любимым... она задумывает пробраться в Советскую Россию, соединиться с любимым. Чтобы получить русское гражданство, она совершает почти невозможное. Отыскивает военнопленного – некоего Соболева и фиктивно вступает с ним в брак. Затем в начале 1919 года направляется в Мюнхен. Отсюда она надеется через Австрию, Венгрию, Украину пробраться в Москву... 1 мая 1919 года – арест, около пяти месяцев тюрьмы, потом принудительная ссылка до военного суда. Подконвойное препровождение назад в Мюнхен. Еще несколько месяцев тюремного следствия, судебного разбирательства, вплоть до зимы 1920 года... Начинают сказываться постоянное напряжение и перегрузки. В 1921 году она умирает от разрыва сердца в возрасте 26 лет” [3, с. 98]. Что значила для Фебина Ханни Мрва свидетельствует письмо 1925 года к И. С. Соколову-Микитову: “Я получил на днях разные мелочи из Сызрани, среди них письма ко мне женщины, с которой я прожил лучшую часть своей жизни” [там же].

Таким образом, в романе “Города и годы” писатель больше внимания уделяет изображению немецких городов, в то время, как русская провинция и Петроград показаны фрагментарно. Города Германии имеют положительную эмоциональную коннотацию, отличаются пестротой, Россия же представлена разрушенной, серой, мрачной. Эти особенности художественного воплощения городского кода обусловлены, в первую очередь, автобиографизмом романа, влиянием личных впечатлений писателя от пребывания в Германии.

Список использованной литературы

1. Фебин К. А. Города и годы. Братья / К. А. Фебин. – М. : Худ. лит., 1974. – 688 с. **2.** “Серапионовы братья” в зеркалах переписки / [вступ. ст., сост., коммент., аннот. указ. Е. Леминга]. – М.: Аграф, 2004. – 544 с. – (Серия “Символы времени”) **3. Оклянский Ю.** Фебин / Юрий Оклянский. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 352 с. (серия “Жизнь замечательных людей”)

Верник О. А. Специфика городского кода в романе К. Фебина “Города и годы”

В статье исследуется художественное своеобразие воплощения образа города в романе К. Фебина “Города и годы”. Автор подчеркивает, что в романе писатель больше внимания уделяет изображению немецких городов, в то время, как русская провинция и Петроград представлены фрагментарно. Верник О. А. доказывает, что особенности художественного воплощения городского кода обусловлены, в первую

очередь, автобіографізмом роману, впливом личным впечатлений писателя от пребывания в Германии.

Ключевые слова: автобіографізм, городской код, роман, художественное своеобразие.

Вернік О. О. Специфіка міського коду в романі К. Федіна “Міста та роки”

У статті досліджується художня своєрідність втілення міського коду в романі К. Федіна “Міста та роки”. Автор підкреслює, що в романі письменник більше уваги приділяє зображенню німецьких міст, в той саме час, як російська провінція та Петроград представлені фрагментарно. Вернік О. О. доводить, що особливості художнього втілення міського коду обумовлені автобіографізмом роману.

Ключові слова: автобіографіям, міській код, роман, художня своєрідність.

Vernick O. A The Peculiarities of the City Code in the Novel “Cities and Years“ by K. Fedin

The article deals with the investigation of artistic originality of the city image in the novel by K. Fedina “Cities and Years”. The author emphasizes that the writer pays more attention to the image of German cities, while Russian province of Petrograd are fragmentary. German cities have a positive emotional connotation and are different in variegation, however, Russia is represented as shattered, gray, grim. Vernick O. A. claims that these features of urban artistic expression code are caused, first of all, by autobiographical issues of the novel, the influence of personal experiences of the writer while being in Germany.

Key words: autobiographism, city code, novel, artistic originality

Стаття надійшла до редакції 12.09.2012 р.

Прийнято до друку 30.11.12 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Веретейченко І. А.

УДК 321.161.2. – 1.09 + 929 (Гайворонська)

В. І. Дмитренко

ЛУГАНСЬК У ТВОРЧОСТІ ГАННИ ГАЙВОРОНСЬКОЇ

Одним з найбільш динамічних напрямків сучасного літературознавства є імагологія, у якій як особливий предмет вивчення виділяється проблема локального тексту, методологічною базою якого